

Ната Рачевская

Сердце
из
горного камня

Ната Рачевская

Сердце из горного камня

«Автор»

2026

Рачевская Н.

Сердце из горного камня / Н. Рачевская — «Автор», 2026

Арам Ваагнян — идеальный сын своей гордой и традиционной семьи. Его будущее расписано до мелочей: диплом престижного вуза, семейный бизнес и невеста, которую одобрили родители. В его жизни нет места случайностям и глупым бунтам. Пока на заснеженной парковке университета в него чуть не врезается обычная русская девчонка с глазами цвета грозового неба. Лиза не верит в сказки и держится от таких парней, как Арам, подальше. Он — огонь, который выжигает все дотла. Она для него — запретное пламя, способное разрушить вековые узы его рода. Они из абсолютно разных миров. Между ними — глухая стена чужих ожиданий, строгих традиций и старинных семейных тайн. Говорят, мужчины из рода Ваагнян любят лишь однажды, но их любовь приносит либо великое счастье, либо пепел. Сможет ли Арам пойти против воли семьи, когда на кону стоит сердце той, без которой он больше не может дышать?

© Рачевская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Закон падающей снежинки	5
Глава 2. Тяжесть отцовского камня	10
Глава 3. В паутине чужих секретов	14
Глава 4. Шепот пепла и камня	19
Глава 5. Замкнутый контур	22
Глава 6. Плотность излома	26
Глава 7. Ожоги памяти	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ната Рачевская

Сердце из горного камня

Глава 1. Закон падающей снежинки

Лиза

Говорят, в Сибири снег падает с благозвучным хрустом, будто кто-то крошит хрустальные бокалы, а в горах он ложится на скалы с глухим, царственным вздохом. В нашем городе у снега не было характера. Он просто шмякался на лобовое стекло старенького серого «фольксвагена», превращаясь в грязную кашу, которую насмерть заезженные дворники размазывали с унылым, истошным скрипом.

— Ну давай же, миленький, ну не подводи, — я сильнее сжала пальцами руль, обтянутый копеечной пушистой оплеткой. Оплетку мне подарила Танька на прошлый день рождения, уверявшая, что розовый искусственный мех притягивает в жизнь владелицы если не миллионеров, то хотя бы удачу на зачетах.

Миллионерами на парковке нашего университета и не пахло. Зато удача мне бы сейчас точно не помешала. Занятия закончились сорок минут назад, но вместо того, чтобы греться в уютной библиотеке или пить приторный латте из автомата, я сидела в насквозь промерзшем салоне и пыталась выехать из ледяного плена. Нашу университетскую стоянку не чистили, кажется, со времен основания самого вуза. Накатанный колесами сотен машин лед покрылся утренней снежной кашей, превратив выезд в полосу препятствий для экстремалов.

Я снова выжала сцепление, аккуратно переключила передачу на первую и плавно — как учили в автошколе, честное слово, как самый прилежный сурок! — нажала на педаль газа.

«Фольксваген» нутужно взвыл. Колеса бешено прокрутились на месте, поднимая фонтан грязной ледяной крошки, но машина даже не сдвинулась. Наоборот, ее корму едва заметно, но ощутимо повесло влево. Прямо в сторону огромного, вызывающе чистого и пугающе дорогого черного внедорожника, который заменял собой половину скромного бюджета нашей кафедры журналистики.

— Прекрасно. Просто великолепно, Лиза. Ты обязательно найдешь неприятности даже там, где их физически быть не может, — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как от напряжения под пуховиком начинает покалывать кожу.

Я заглушила мотор. В салоне тут же воцарилась звенящая, давящая тишина, нарушаемая лишь моим собственным тяжелым дыханием. Руки в тонких вязаных перчатках подрагивали. Самое обидное, что этот черный монстр — кажется, это был новенький «Порше Кайен» с матовым покрытием, на котором снежинки таяли, едва коснувшись капота — встал здесь буквально полчаса назад. Встал по-королевски, наплевав на разметку, перегородив половину свободного пространства для маневра. Его хозяин явно не заботился о таких приземленных вещах, как чужие траектории движения.

Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоить бешено заколотившееся сердце. Анна Джейн в своих романах всегда писала, что у каждого человека есть момент, когда его привычный, серый мир дает трещину, и сквозь нее начинает проглядывать чужая, пугающая и манящая реальность. Моя реальность сейчас пахла освежителем воздуха «Новая машина» из дедовского запаса, дешевым бензином и неминуемой катастрофой.

Я толкнула дверцу и вышла наружу. Ледяной январский ветер тут же бесцеремонно швырнул мне в лицо пригоршню колкого снега. Я посильнее закуталась в свой безразмерный шарф, который Танька ласково называла «гнездом анаконды», и подошла к колесу. Ну конечно.

Левое заднее намертво село в глубокую обледенелую лунку. Выхать без посторонней помощи — утопия.

В этот момент двери главного корпуса университета распахнулись. На крыльцо вывалилась шумная компания старшекурсников. Они смеялись, переговаривались, от них даже на расстоянии веяло той особой, лощеной уверенностью, которая бывает только у людей, чье будущее обеспечено на три поколения вперед. В центре этой группы шел он.

Я замерла, так и оставшись стоять согнувшись у колеса своего несчастного авто.

Арам Ваагнян. Имя, которое на нашем потоке произносили либо с придыханием, либо с глухой, бессильной завистью. Я видела его на общих лекциях по экономике, когда наши потоки объединяли в огромной поточной аудитории. Он всегда садился на самые верхние ряды, окруженный свитой, и никогда не записывал лекции. Ему это было не нужно. Про таких, как он, девчонки в общежитии шептались по ночам, разбирая по косточкам каждый жест, каждый взгляд. Высокий, с резкими, словно высеченными из темного горного камня чертами лица, густыми смоляными волосами, которые он никогда не прятал под шапку, и глазами... Глаза у него были странные. Не просто карие, а какие-то янтарно-темные, тяжелые. Когда он смотрел на кого-то, казалось, что человек автоматически попадает под прицел.

Сегодня на нем было строгое черное пальто с поднятым воротником, идеально сидящее по фигуре, и тяжелые кожаные ботинки. Настоящий хозяин жизни. Граф, случайно заглянувший в провинциальный университет. Компания направилась прямоком к парковке. К тому самому черному матовому «Порше».

«О нет. Только не это. Пожалуйста, пусть это будет машина его друга», — мысленно взмолилась я, пятясь назад и прижимаясь спиной к мокрой дверце своего «фольксвагена».

Но вселенная сегодня явно решила развлечься за мой счет. Арам небрежным жестом достал из кармана пальто брелок. Фары «Порше» коротко мигнули, приветствуя хозяина мягким диодным светом. Друзья что-то крикнули ему на прощание, парень в ответ лишь коротко кивнул — сдержанно, без лишних эмоций — и направился к водительской двери. Он шел размашистым, уверенным шагом, даже не глядя под ноги. Вся эта ледяная каша, в которой я только что едва не оставила подошву сапога, для него словно не существовала. И тут его взгляд упал на мою машину. Точнее, на то, как близко моя ржавая корма оказалась к его безупречному левому крылу. Арам остановился. На его породистом лице не отразилось ни испуга, ни злости — лишь легкое, безгловое недоумение, какое бывает у человека, обнаружившего на своем дорогом костюме надоедливое насекомое.

— Это твое? — голос у него оказался глубоким, бархатистым, но с такой плотной, морозной текстурой, что у меня внутри все окончательно заледенело. Он даже не посмотрел на меня — его взгляд был прикован к опасному сантиметровому зазору между нашими машинами.

— Мое, — я постаралась, чтобы мой собственный голос прозвучал твердо, но получилось какое-то невнятное пицание. Я кашлянула и повторила громче:

— Да, это моя машина. И если бы вы, молодой человек, парковались по правилам, а не как король бензоколонки, проблемы бы вообще не возникло!

Вот тут он повернул голову. Медленно, с легким прищуром. Я буквально кожей ощутила, как меня накрыло волной чужой, подавляющей энергетики. Вблизи он казался еще больше, еще недостижимее. От него пахло дорогим парфюмом с нотками табака, сандала и чего-то острого, напоминающего специю. Гранат? Нет, скорее что-то древесное, тяжелое.

— Как ты меня назвала? — Арам сделал шаг в мою сторону. Всего один шаг, но мне захотелось немедленно провалиться сквозь этот проклятый лед на самый нижний уровень ада.

На его правой руке, которую он вынул из кармана, я заметила массивный перстень. Странное, явно старинное украшение из темного серебра с огромным, почти черным камнем, похожим на каплю запекшейся крови. Этот перстень совершенно не вязался с его современ-

ным, ультрамодным образом, но почему-то смотрелся на его длинных, сильных пальцах невероятно органично.

— Что слышал, — храбрость, родившаяся из чистейшего, первородного отчаяния, внезапно заставила меня сделать шаг навстречу. Я вздернула подбородок, хотя макушкой едва доставала ему до плеча. — Вы перекрыли мне выезд. Моя машина застряла. Если я сейчас нажму на газ, меня снесет прямо в вашу драгоценную дверь. Так что вместо того, чтобы включать режим высокомерного сноба, мог бы просто помочь!

На несколько секунд на парковке повисла такая тишина, что было слышно, как шуршат падающие снежинки. Арам смотрел на меня так, словно я заговорила на древнешумерском. Его брови слегка поползли вверх. Похоже, в этом университете, да и вообще в жизни, никто и никогда не разговаривал с Арамом Ваагняном в таком тоне. Его друзья обычно заглядывали ему в рот, девчонки глупо хихикали, а преподаватели вежливо кивали, зная, кто его отец.

— Помочь? — переспросил он, и в его глазах на мгновение вспыхнула странная, насмешливая искра. Словно огонек зажигалки в темноте. — Тебе?

— Представь себе, — я скрестила руки на груди, изо всех сил стараясь не дрожать от холода. — Здесь мужчины обычно помогают девушкам, если те попали в беду. Или в твоём кодексе чести написано, что помогать можно только владельцам машин от десяти миллионов?

Его взгляд потемнел. Веселье исчезло, сменившись тяжелым, глухим раздражением. Он сделал еще полшага, сокращая расстояние между нами до какого-то непозволительного минимума. Я почувствовала, как тепло, исходящее от него, вступает в отчаянную борьбу с окружающим нас морозом.

— Слушай меня сюда, — тихо, но так, что каждое слово впечаталось мне в сознание, произнес он. — Во-первых, я паркуюсь там, где считаю нужным. Во-вторых, если твое ведро с гвоздями поцарапает мою машину, ты будешь отрабатывать ремонт до конца магистратуры. А в-третьих... уберись отсюда. Сама.

Он развернулся, намереваясь сесть в свой внедорожник. Это было так несправедливо, так обидно и так... по-гадски, что у меня внутри словно оборвался какой-то невидимый тросик. Все накопленное за день напряжение — дурацкий зачет по зарубежке, промерзшие ноги, дурацкая машина — выплеснулось наружу.

— Да чтоб ты провалился со своим корытом! — крикнула я ему в спину, совершенно потеряв контроль над эмоциями. — Эгоист несчастный! Камень ты, а не человек! Настоящий горный булыжник!

Арам замер с протянутой к ручке двери рукой. Его плечи под черным сукном пальто заметно напряглись. На секунду мне показалось, что воздух вокруг него стал горячим — настолько, что падающий снег начал превращаться в пар, не долетая до его плеч. Это была какая-то оптическая иллюзия, бред замерзающего разума, но перстень на его пальце вдруг блеснул так ярко, словно внутри камня проснулся настоящий, живой уголек.

Он медленно повернулся обратно ко мне. Лицо его было абсолютно непроницаемым, но в глубине янтарных глаз ворочалось что-то древнее, грозное и пугающее. От его взгляда мне захотелось сжаться в комок, но я упрямо продолжала стоять, сжав кулаки.

— Повтори, — очень тихо попросил он. Это была не просьба. Это был приказ, не терпящий возражений.

— Что надо повторить? Что ты хам? — я сделала шаг назад, потому что инстинкт самосохранения наконец-то подал свой слабый голос. — Отпусти меня, мне ехать надо.

Арам не ответил. Он просто смотрел на меня несколько долгих, невыносимых секунд. В его взгляде уже не было прежнего презрения — там появилось какое-то странное, пристальное внимание, словно он пытался разглядеть во мне то, чего сам не понимал. Затем он сделал то, чего я никак не ожидала. Он резко рванул на себя дверь моего «фольксвагена», бросил быстрый

взгляд на приборную панель, на мою пушистую розовую оплетку руля (на мгновение на его губах мелькнула едва заметная, горькая усмешка) и повернулся ко мне.

— Садись за руль, — скомандовал он.

— Что? — захлопала я глазами.

— За руль садись, глухая? — Арам раздраженно дернул плечом и начал снимать свои дорогие кожаные перчатки, сунув их в карман пальто. — Включишь заднюю, когда я скажу. И руль держи прямо. Если дернешь влево — я лично заставлю тебя красить мой бампер зубной щеткой.

Я стояла как вкопанная, не веря своим ушам. Этот парень, этот небожитель, только что собиравшийся стереть меня в порошок, собирався толкать мою машину?

— Чего стоишь? — рявкнул он, обходя «фольксваген» сзади и упираясь ладонями в грязную, покрытую наледью крышку багажника. — У меня времени в обрез. Живее!

Я пулей влетела в салон, едва не ударившись коленом о рулевую колонку. Трясущимися руками повернула ключ в замке зажигания. Мотор отозвался привычным, жалобным дребезжающим. Я выжала сцепление, воткнула заднюю передачу и посмотрела в зеркало заднего вида. Арам стоял сзади, слегка расставив ноги для упора. Его пальто было расстегнуто, ветер трепал полы, но он, казалось, вообще не замечал холода. На его лбу прорезалась упрямая складка.

— Давай! Плавно! — крикнул он.

Я аккуратно отпустила педаль и нажала на газ. Колеса снова взвыли, заскользив по льду. Машина задергалась. И в этот момент я почувствовала, как сзади приложилась какая-то невероятная, просто нечеловеческая сила. Старенький «фольксваген» весом больше тонны, намертво засевший в ледяной лунке, вдруг плавно, словно игрушечный, пошел назад. Я испуганно нажала на тормоз, когда машина выкатилась на относительно ровный участок.

Выскочив из салона, я увидела Арама. Он стоял, тяжело дыша, и рассматривал свои ладони, испачканные в дорожной грязи и копоты от моего глушителя. Его безупречное черное пальто на рукавах тоже пострадало. Но удивительно было другое — его руки. От них действительно шёл едва заметный пар, словно он только что держал горячий чайник. Камень на его перстне медленно угасал, возвращаясь к своему обычному, мертвому бордовому цвету.

— Спасибо... — тихо сказала я, чувствуя, как злость улетучивается, оставляя после себя странное, звенящее смущение. — Извини за... булыжник.

Арам поднял на меня глаза. Его дыхание постепенно выравнивалось. Он достал из кармана белоснежный платок, небрежно вытер испачканные ладони и бросил платок обратно в карман. На лице снова застыла привычная маска холодного безразличия.

— Купи нормальную резину, — сухо бросил он, даже не глядя на меня. — И больше не попадайся мне на глаза. Рыжая.

Он развернулся, сел в свой «Порше», и через секунду немецкий мотор отозвался мощным, глухим рыком. Внедорожник плавно тронулся с места, легко преодолевая любые ледяные заносы, и вскоре его черная корма скрылась за поворотом университетских ворот. Я осталась стоять посреди заснеженной парковки. Ветер продолжал кружить снежинки, бросая их мне на лицо. Я коснулась пальцами куртки в том месте, где под ней пряталось сердце. Оно билось как сумасшедшее. Я еще не знала, что по закону падающей снежинки, если однажды траектории двух абсолютно разных миров пересекаются, они уже никогда не смогут разойтись. Я не знала, что этот парень с глазами цвета расплавленного янтаря и сердцем из горного камня станет моим главным кошмаром. И моей единственной, сжигающей дотла любовью.

И уж тем более я не знала, какие мрачные, древние тайны охраняет его гордый род, и какая древняя, горячая кровь течет в его венах. Я просто села в свою машину, включила печку на максимум и поехала домой, пытаюсь стереть из памяти образ парня, который умел толкать машины силой своего взгляда. Или чего-то гораздо более пугающего.

Арам

Руль «Порше» приятно охлаждал кожу, но мои ладони все еще горели. Настоящий, обжигающий огонь, который я с таким трудом учился контролировать с самого детства, сегодня едва не вырвался наружу из-за какой-то девчонки с нелепым рыжим гнездом из шарфа на шее. Я бросил короткий взгляд на правое пассажирское сиденье, где лежал мой телефон. Экран мигал — отец звонил уже в третий раз. Я тяжело вздохнул и нажал кнопку ответа на руле.

— Да, отец, — сказал я по-армянски, стараясь, чтобы голос звучал максимально спокойно и почтительно.

— Арам, ты где? — голос Левона Ваагняна, как всегда, звучал весомо, раскатисто, словно гром над ущельем. — Мы ждем тебя в ресторане. Дядя Самвел приехал, привез новости из Еревана. И Карине с родителями уже здесь. Не заставляй людей ждать. Ты старший сын, ты лицо нашего рода.

— Я уже еду, отец. Буду через десять минут, — ответил я, поворачивая на главный проспект.

— Хорошо. Иними этот свой перстень, когда будешь садиться за стол. Карине не должна видеть его сейчас. Все мое время, сын. Кровь Ваагнянов должна говорить тогда, когда это нужно, а не на студенческих стоянках.

Я вздрогнул. Откуда он... Ах да, отец всегда знал все. Или просто чувствовал. Я отключил связь и посмотрел на свою правую руку. Темное серебро, старинная вязь, которую не смог бы прочесть ни один лингвист в этом городе, и глубокий, налитый кровью гранат. Перстень Драконоборца. Знак того, что наш род — не просто успешные бизнесмены, приехавшие покорять северные земли. Мы хранили то, о чем люди давно забыли, превратив в сказки и мифы.

Я вспомнил лицо той девчонки на парковке. Лиза. Кажется, её зовут Лиза, я слышал, как её окликали подруги в коридоре. Глаза цвета грозового неба, злые, гордые и совершенно бесстрашные. Она назвала меня «горным булыжником». Если бы она только знала, насколько близка была к истине. Мужчины моего рода действительно сделаны из камня и огня. И этот огонь иногда уничтожает тех, кто подходит слишком близко.

Я нажал на газ, заставляя машину лететь сквозь январскую метель. Мне нужно было забыть эту глупую встречу. Впереди меня ждал ужин, традиции, одобренная семьей невеста и будущее, в котором не было места рыжим девчонкам на старых серых машинах. Но ладони все еще продолжали гореть, а в ушах до сих пор стоял ее звонкий, возмущенный голос.

Глава 2. Тяжесть отцовского камня

Арам

Запах запеченной баранины, специй, дорогого коньяка и тяжелого, удушливого парфюма — этот коктейль всегда ассоциировался у меня с большими семейными застольями. Ресторан «Арагат», принадлежавший близкому другу моего отца, сегодня был закрыт на спецобслуживание. Для чужих. Для своих же двери распахивались с той кавказской широтой, которая непосвященному человеку могла показаться сказкой, а для меня давно стала привычной, душевной клеткой.

Я стоял перед огромным зеркалом в туалетной комнате, разглядывая свое отражение. Наглаженная белая рубашка, дорогой итальянский костюм, купленный по настоянию матери. Всё безупречно. Всё так, как подобает старшему сыну Левона Ваагняна.

Я опустил взгляд на свои руки. Пальцы до сих пор подрагивали, а внутри ладоней, прямо под кожей, зудело томительное, покалывающее тепло. Это была остаточная энергия. Та самая сила, которая полчаса назад едва не превратила ржавый замок на капоте чужого «фольксвагена» в жидкое месиво.

«Камень ты, а не человек! Настоящий горный бульжник!» — прозвенел в ушах её возмущенный, срывающийся на писк голос.

Я невольно усмехнулся, глядя в зеркало. Дерзкая. Сумасшедшая рыжая девчонка, которая даже не поняла, насколько близко подошла к краю. Если бы я потерял контроль хотя бы на секунду, если бы мой внутренний огонь вырвался наружу в полную силу, от её старой машины остался бы только оплавленный каркас. Мужчины из рода Ваагнян веками учились гасить этот жар, прятать его за маской ледяного высокомерия и безупречных манер. Но сегодня эта девчонка умудрилась расколоть мою маску всего парой фраз.

Я вздохнул, снял с пальца массивный перстень с потемневшим гранатом и опустил его в глубокий внутренний карман пиджака. Как и просил отец. Этот перстень — не просто семейная реликвия. Это фокусник, громоотвод для той древней крови, что текла в наших венах со времен, когда боги еще ходили по каменистым дорогам Айастана. Карине не должна его видеть. Во всяком случае, не сегодня. Она — девушка из приличной, светской семьи. Её отец — крупный застройщик в Ереване, давний партнер моего отца. Они мыслят категориями кубических метров бетона, банковских счетов и акций. О мифологии и древних клятвах они помнят лишь на уровне красивых тостов за праздничным столом.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь и вышел в банкетный зал.

Здесь царило оживление. За огромным столом, ломившимся от хачапури, зелени, сыров и мясных нарезок, сидело не меньше двадцати человек. Мужчины в строгих костюмах громко переговаривались, жестикулируя, женщины в элегантных платьях сидели чуть поодаль, ведя свои тихие, степенные беседы.

Во главе стола, разумеется, восседал мой отец — Левон Ваагнян. Крупный, широкоплечий мужчина с седеющей густой бородой и точно такими же, как у меня, тяжелыми, янтарно-кариими глазами. Когда я вошел, его взгляд мгновенно зафиксировал меня. Он не улыбнулся, лишь едва заметно кивнул, показывая, что моё опоздание зафиксировано, но публичной порки не будет. Пока что.

— А вот и наш жених! Наша гордость! — громогласно объявил дядя Самвел, коренастый мужчина с золотыми часами на запястье, поднимаясь с бокалом в руке. — Арам, дорогой, иди сюда! Садись рядом с Карине. Мы как раз говорили о твоих успехах в университете!

Я вежливо улыбнулся, со всеми поздоровался, обменялся крепкими рукопожатиями с мужчинами и прошел к своему месту. Карине сидела по правую руку от меня. Она действительно была красивой. Классическая восточная красота: огромные, как спелые маслины, глаза,

обрамленные густыми черными ресницами, идеально уложенные темные волосы, шелковое платье скромного, но дорогого пастельного оттенка. От неё пахло нежным, сладковатым ароматом жасмина и ванили. Полная противоположность той рыжей буре в бесформенном пуховике, от которой разило мокрым снегом, дешевым бензином и морозным ветром.

— Привет, Арам, — тихо сказала Карине, чуть опустив глаза. В её голосе была та самая правильная, воспитанная скромность, которую так ценили старшие.

— Привет, Карине. Рад тебя видеть. Как долетели? — я постарался вложить в свой голос максимум тепла, но внутри всё равно оставался холодным и отстраненным.

— Спасибо, хорошо. Папа немного волновался из-за погоды, у вас тут настоящая зима. В Ереване сейчас гораздо теплее, — она улыбнулась, и на её щеках появились аккуратные ямочки.

Она была идеальной. Любой парень из нашего окружения посчитал бы за счастье оказаться на моем месте. Умная, воспитанная, из прекрасной семьи, знает традиции, уважает старших. Наше будущее было предreshено ещё пару лет назад, когда отцы скрепили союз своими рукопожатиями. Это был правильный, логичный брак, который должен был укрепить позиции нашей семьи как в России, так и на родине. Но почему, глядя на неё, я не чувствовал ровным счетом ничего, кроме глухой, давящей ответственности?

— Левон, посмотри на них! — рассмеялся отец Карине, дядя Гагик, обращаясь к моему отцу. — Какая пара! Дай Бог, осенью сыграем такую свадьбу, что весь Ереван содрогнется!

— Дай Бог, Гагик, дай Бог, — степенно ответил мой отец, поднимая свой бокал с янтарным коньяком. — Арам — старший сын. Он знает свой долг. Он продолжит мое дело здесь, а Карине станет украшением его дома. За молодежь!

Все дружно поддержали тост, зазвенели хрустальные бокалы. Я пригубил вино, чувствуя, как оно терпким узлом завязывается в горле. «Долг». Это слово я слышал с трех лет. Мой долг — учиться лучше всех. Мой долг — не ввязываться в глупые драки, потому что моя сила может покалечить обычного человека. Мой долг — жениться на той, кого выберет семья.

Я перевел взгляд на самый край стола. Там, в глубоком кресле, сидел мой дедушка — Саркис Ваагнян. Самый старый член нашего рода. Ему было далеко за восемьдесят, его лицо напоминало иссушенную солнцем и ветрами горную скалу, покрытую глубокими трещинами-морщинами. Он почти не ел, не пил вина и редко участвовал в общем веселье. Но его глаза... Они оставались пугающе живыми. Древними, как сами горы.

Дед Саркис смотрел прямо на меня. Он единственный из всех не поднимал бокал. Он перевел взгляд на мой пиджак — туда, где в кармане лежал перстень, а затем снова посмотрел мне в глаза. В его взгляде не было осуждения. Там было странное, горькое понимание. Он словно видел меня насквозь, знал про ту вспышку магии на парковке, знал про рыжую девчонку и про то, как отчаянно сейчас бунтует моя кровь.

— Арам, ты почему ничего не ешь? — заботливо спросила моя мама, Анаит, сидевшая напротив. — Попробуй долму, Сусанна сегодня превзошла себя.

— Спасибо, мам, я не очень голоден, — ответил я, накладывая себе на тарелку немного зелени и сыра, просто чтобы не привлекать лишнего внимания.

Карине аккуратно повернулась ко мне, воспользовавшись тем, что старшие увлеклись обсуждением нового строительного проекта в пригороде.

— Арам, ты какой-то уставший. Проблемы в университете? — в её глазах мелькнуло искреннее беспокойство.

— Нет, всё в порядке. Просто сессия на носу, много работы по диплому, — соврал я, не моргнув и глазом.

— Папа говорил, что после окончания ты сразу возглавишь филиал компании здесь. Это такая ответственность. Если тебе нужна будет помощь... Ну, перевести что-то или систематизировать бумаги, я хорошо владею программами. Я бы могла помочь.

Она предлагала это так искренне, так правильно, пытаясь быть полезной своему будущему мужу. Я почувствовал укол совести. Карине ни в чем не виновата. Она заслуживала парня, который будет смотреть на неё с восхищением, который будет дарить ей цветы и писать стихи. А я смотрел на неё и видел лишь пункты бизнес-плана, одобренного нашими родителями.

В этот момент в моей голове снова вспыхнул образ Лизки. Как она стояла, замерзшая, со своим нелепым огромным шарфом, и кричала на меня, размахивая руками. Она не знала, кто я такой. Ей было плевать на статус моего отца, на мой «Порше» и на то, сколько стоит мой костюм. Она видела во мне просто человека. Хама, эгоиста, «горного булыжника» — но настоящего. Живого.

От этих мыслей ладони снова обожгло. Я незаметно сжал кулаки под столом, пытаясь подавить волну жара.

— Извините, я выйду на минуту, подышу воздухом, — сказал я, поднимаясь со своего места.

Отец на секунду прервал разговор с дядей Гагиком и бросил на меня тяжелый, предостерегающий взгляд. Я ответил ему спокойным, почтительным поклоном головы, показывая, что всё под контролем, и направился к запасному выходу из ресторана, который вел во внутренний дворик.

На улице метель разыгралась с новой силой. Ледяной воздух мгновенно ударил по легким, принося долгожданное облегчение. Я вышел на крыльцо, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и подставил лицо летящему снегу. Снежинки падали на мою кожу и мгновенно таяли, превращаясь в крошечные капли воды.

Я достал из кармана перстень и надел его на палец. Камень тут же отозвался — потемневший гранат едва заметно пульсировал, забирая в себя излишки моего внутреннего тепла. Стало легче. Зуд под кожей утих.

— Огонь Ваагнянов трудно спрятать в шелковый карман, верно, внук? — раздался сзади тихий, скрипучий голос.

Я обернулся. На крыльцо, опираясь на свою старую деревянную трость, медленно вышел дед Саркис. На нем не было куртки — только старый шерстяной жилет поверх рубашки, но он, казалось, вообще не замечал сибирского мороза.

— Дедушка, тебе нельзя на холод, — я сделал шаг к нему, пытаясь придержать его за локоть, но дед со сдержанной силой отстранил мою руку.

— Мой холод остался далеко в горах, Арам. Этот здешний снег — просто мокрая трава по сравнению с тем, что я видел в молодости, — старик подошел к перилам и посмотрел на бушующую метель. — Ты сегодня выпускал силу. Я чувствую запах гари от твоих рук. Что случилось?

Я помолчал, не зная, стоит ли говорить правду. Но лгать деду Саркису было бесполезно — он видел скрытый мир гораздо четче, чем все мы.

— Ничего особенного, дед. Просто глупая ситуация на парковке. Застряла машина... Пришлось помочь. Сила сама дернулась, я едва успел её удержать. Дед Саркис тихо хмыкнул, и этот звук напомнил мне хруст сухих веток под ногами.

— Машина застряла, говоришь? Или сердце твое застряло в чужих камнях? — он повернул ко мне свое мудрое лицо. — Я видел, как ты смотришь на Карине. Она хорошая девочка. Из хорошего дома. Но в её жилах течет обычная, спокойная вода. А в твоих — огонь. Огонь и камень нашего древнего рода. Ты можешь сколько угодно носить эти дорогие костюмы, Арам, но ты не сможешь обмануть свою кровь.

— У меня есть долг перед отцом. Перед семьей, — тихо, но твердо сказал я, глядя в темноту двора.

— Я старший сын. Я не могу подвести отца.

Дед Саркис положил свою сухую, мозолистую ладонь мне на плечо. Его пальцы были удивительно горячими, несмотря на мороз.

— Левон строит дома из бетона и стекла, — тихо произнес дед. — Он думает, что миром правят деньги и контракты. Он забыл, почему наш род носит имя Ваагна. Мы не просто строители, Арам. Мы — стражи. Мы те, кто удерживает равновесие между этим миром и тем, что скрыт в тумане древних гор. И если ты предашь свой внутренний огонь, если затушишь его ради спокойной, правильной жизни — твой камень расколется. И тогда ни один дом, построенный твоим отцом, не устоит.

— Что ты имеешь в виду, дед? — я нахмурился, чувствуя, как слова старика отзываются странной, тревожной вибрацией в самой глубине души.

— Придет время — поймешь, — дед постучал тростью по обледенелой доске крыльца. — Помни одно: мужчины нашего рода любят лишь однажды. И эта любовь никогда не бывает легкой. Она приходит как кара, как испытание огнем. И если ты встретишь ту, от чьего взгляда твоя кровь закипает без твоего ведома — не пытайся бежать. От этого огня не спасут никакие стены. Даже отцовские.

Старик развернулся и так же медленно, стуча тростью, ушел обратно в тепло ресторана. Я остался один на крыльце. Метель продолжала бушевать, заметая мои следы. Я посмотрел на перстень на своем пальце. Камень внутри него теперь казался абсолютно черным, словно впитав в себя все мрачные пророчества деда.

«Мужчины нашего рода любят лишь однажды...»

Всё это сказки. Старинные легенды, которые дед любит рассказывать, тоскуя по родине. Я современный человек. Я живу в двадцать первом веке, учусь на экономическом факультете и скоро стану вице-президентом крупной компании. Моя жизнь расписана по пунктам, и в ней нет места мистическим проклятиям и безумной, разрушительной любви.

Но когда я открывал дверь, перед моими глазами снова — уже в какой раз за этот вечер — промелькнули серые глаза цвета грозового неба, полные ярости и непонятого, пугающего вызова. И в этот момент я впервые в жизни почувствовал настоящий, первородный страх. Страх перед тем, что моё идеальное будущее может оказаться всего лишь карточным домиком, готовым рухнуть от одного единственного дыхания рыжей девчонки с университетской парковки.

Глава 3. В паутине чужих секретов

Лиза

Если бы у меня была возможность стереть из памяти вчерашний день, я бы сделала это без секундного колебания. Весь утренний путь до университета меня преследовал фантомный запах сандала, дорогого табака и чего-то острого, пряного. Спелый гранат. Какая глупость. Я терла ладони, вспоминая, как легко этот парень сдвинул с места мой обледенелый «фольксваген», и злилась на себя за то, что вообще продолжаю об этом думать.

— Лиза, ты меня вообще слышишь? — Танька бесцеремонно толкнула меня локтем в бок, едва мы переступили порог душного университетского холла. — Я тебе уже пять минут рассказываю про распределение мест на практику, а ты зависла, как старый процессор.

— Да, слышу я, — соврала я, разматывая свой бесконечный шарф-«гнездо». — Просто не выпалась. Машина вчера застряла на парковке, еле выбралась.

— О-о-о, про парковку тут уже легенды ходят! — глаза подружки мгновенно загорелись тем самым опасным огоньком, который у будущих журналистов отвечает за сбор сплетен. — Говорят, вчера под самый вечер там Вагнян уложил какого-то мажора на лопатки за то, что тот его машину заблокировал. Или не мажора. Слушай, а ты его там не видела? Черный такой «Порше», матовый. Хозяин — ходячий секс-символ старшего курса и по совместительству главный неприкасаемый нашего вуза.

Мое сердце сделало трусливый кувырок куда-то в район желудка.

— Не видела я никого, — буркнула я, стараясь смотреть куда угодно, только не на Таньку. — Машину откопала и уехала. А кто он вообще такой? Ну, этот твой Вагнян.

— Мой? Бери выше, детка. Он ничей, — Танька воровато оглянулась и понизила голос до заговорщического шепота, увлекая меня к расписанию. — Арам Вагнян. Его отец, Левон Вагнян, держит половину строительного бизнеса в регионе. Они тут всё возводят — от торговых центров до элитных жилых комплексов. Деньги нереальные. Сам Арам учится на международной экономике, идет на красный диплом, хотя на парах появляется, только когда сам захочет. Преподы ему в рот заглядывают. Но самое интересное не это.

— А что? — я изобразила равнодушие, хотя внутри всё натянулось, как струна.

— У них там, в общине, всё строго. Говорят, его уже сосватали. Девушка какая-то породистая, из Еревана, дочка их компаньона. Мать Арама её сюда чуть ли не самолетом доставила, чтобы сыночек от рук не отбился. Так что наш принц забронирован, упакован и обвязан шелковой ленточкой с фамильным гербом. Простым смертным ловить нечего. Да и характер у него — упаси боже. Гордый, холодный, как ледник. Если кто-то дорогу перейдет — сожрет и не поморщится.

«Камень ты, а не человек. Настоящий горный булыжник», — снова вспыхнуло в моей голове. На секунду мне стало по-настоящему страшно. Если он такой влиятельный и опасный, а я вчера наорала на него посреди улицы Господи, Лиза, почему твоя врожденная справедливость всегда просыпается в комплекте с полным отключением инстинкта самосохранения?

— Ладно, пошли на лекцию, — я дернула Таньку за рукав, мечтая раствориться в толпе студентов.

Но весь последующий день превратился для меня в изощренную пытку. Куда бы я ни шла — в буфет, на кафедру, в гардероб — мне казалось, что я вижу его силуэт. Каждый высокий парень в черном пальто заставлял меня вздрагивать. Пару раз я ловила на себе взгляды его друзей — тех самых лощеных парней с парковки. Они смотрели на меня с каким-то странным, насмешливым прищуром. Неужели он рассказал им? Рассказал, как какая-то первокурсница устроила ему истерику из-за парковочного места? От этой мысли щеки начинали гореть так, будто меня выставили к позорному столбу.

К трем часам дня голова раскалывалась от обилия информации и подступающей паники. Профессор Ковалев задал к следующему семинару такой объем литературы по античной литературе, что компьютерный каталог университета выдал единственный верный вердикт: «Ищите в архивном фонде библиотеки».

Старая университетская библиотека располагалась в левом крыле главного корпуса. Здесь всегда было тихо, пахло старой бумагой, сушеными лавандовыми лапками, которые библиотечка раскладывала от моли, и мастикой для паркета. Огромные дубовые столы, разделенные высокими перегородками, зеленые абажуры ламп — идеальное место, чтобы спрятаться от всего мира.

Я получила массивный, пахнущий вековой пылью том мифов и устроилась в самом дальнем углу, у высокого готического окна. За стеклом продолжала бесноваться сибирская метель, стирая очертания соседних зданий.

Я погрузилась в чтение, конспектируя строчки о древних титанах, богах и героях. Текст шел тяжело, строчки расплывались перед глазами. Я потянулась, разминая затекшую шею, и в этот момент краем глаза заметила, что свет от соседней зеленой лампы перекрыла чья-то высокая тень.

Я подняла голову.

Воздух в легких мгновенно закончился. Это был он.

Арам Ваагнян стоял у соседнего стеллажа с книгами, лениво перелистывая какой-то старинный фолиант в кожаном переплете. Без пальто, в одной лишь угольно-черной рубашке с подвернутыми до локтей рукавами, он казался еще шире в плечах. Его смуглая кожа контрастировала с белизной библиотечных стен, а сильные, жилистые предплечья были напряжены.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Может, если я не буду шевелиться, он меня не заметит? Архивы большие, столов много

Но Арам, словно почувствовав мой взгляд, медленно повернул голову. Его янтарно-карие глаза сгустились до цвета крепкого кофе. Никакого удивления. Он знал, что я здесь. Он изначально шел сюда.

Не торопясь, он закрыл книгу, оставив её на полке, и направился прямо к моему столу. Каждое его движение было наполнено хищной, кошачьей грацией. Студенты вокруг даже не оборачивались — в библиотеке стояла мертвая тишина, но для меня его шаги отзывались в ушах грохотом набата.

Арам подошел к моему столу, выдвинул тяжелый дубовый стул напротив меня и сел. Демонстративно. Без разрешения.

Я судорожно сжала в руке шариковую ручку, чувствуя, как ладони мгновенно стали влажными.

— Привет, Рыжая, — тихо, почти шепотом произнес он. Его голос в тишине читального зала прозвучал как бархатный рокот.

— Я не рыжая, — так же шепотом, но с максимальной злостью ответила я. — У меня русые волосы. И вообще, это частное место, я здесь занимаюсь.

— Здесь общественная библиотека, — Арам слегка подался вперед, опираясь локтями на деревянную поверхность стола. — И мне показалось, что вчера мы не закончили наш разговор. Ты так быстро убежала, что даже не дала мне возможности оценить твою... красноречивость в полной мере.

От него снова пахло этим умопомрачительным ароматом. Но теперь к нему примешивался какой-то странный, сухой запах — так пахнет воздух перед сильной грозой, когда в небе вот-вот расколется первая молния.

— Нам не о чем разговаривать, Ваагнян, — я попыталась уткнуться в свой конспект, но строчки окончательно превратились в кашу. — Спасибо, что помог вчера с машиной. На этом всё. У каждого из нас своя дорога. Моя — учиться, твоя — ... парковаться где попало.

Арам издал короткий, тихий смешок. Его глаза сузились, и в их глубине снова промелькнуло то самое пугающее, древнее пламя, которое я заметила вчера на парковке.

— Ты смелая, когда сидишь за кучей старых книг, Лиза, — он впервые произнес мое имя, и от того, как оно прозвучало из его уст — мягко, с легким, едва уловимым восточным акцентом — у меня по спине пробежали крупные мурашки. — Но вчера на улице ты была куда более искренней. Откуда в тебе столько злости на меня? Мы ведь даже не были знакомы.

— Дело не в злости, — я опустила ручку и посмотрела ему прямо в глаза, стараясь не выдать своего страха. — Просто я не люблю людей, которые считают, что весь мир вращается вокруг них только потому, что у их отцов много денег. Ты заблокировал мою машину. Ты вел себя как хам. Что я должна была сделать? Поклониться и попросить автограф?

Арам молчал. Его лицо застыло, превратившись в ту самую безупречную, ледяную маску, о которой рассказывала Танька. Но я видела, как под кожей на его скулах заходили желваки. Мои слова задели его гордость. Парня, перед которым все лебезили, сейчас отчитывала девочка в растянутом свитере.

— Ты ничего не знаешь обо мне, — очень тихо, с угрозой в голосе произнес он. — Ни обо мне, ни о моих деньгах, ни о том, что вращается вокруг меня. Рекомендую тебе держать свой язык за зубами, Рыжая. Моё терпение имеет границы.

— О, я уже слышала про твои границы, — я закусила губу, чувствуя, как внутри снова закипает глупый, ничем не подкрепленный бунт. — И про твою невесту из Еревана тоже слышала. Так что не волнуйся, я не собираюсь претендовать на твое драгоценное внимание. Просто оставь меня в покое.

Как только эти слова сорвались с моих губ, атмосфера за столом изменилась так резко, что у меня заложило уши, как при падении давления в самолете.

Арам резко, судорожно вздохнул. Его пальцы, лежащие на столе, сжались в кулаки. И тут произошло то, что заставило меня окончательно усомниться в собственной вменяемости.

Древнее лакированное дерево стола под его ладонями вдруг начало... темнеть. Прямо на моих глазах прозрачный лак пошел мелкими пузырями, а из-под его пальцев потянулась тонкая, едва заметная струйка сизого дыма. По читальному залу мгновенно распространился резкий, удушливый запах паленого дерева и обожженной кожи.

Я в ужасе уставилась на его руки. Камень на его перстне — тот самый потемневший гранат, который он, оказывается, снова надел — сейчас горел изнутри яростным, багровым светом, словно в него плеснули жидкой лавы.

— Арам... — выдохнула я, отстраняясь вместе со стулом назад. — Твои руки...

Парень перевел взгляд на свои ладони, и на его лице на долю секунды отразился подлинный, дикий ошеломленный вид. Он резко, с силой отдернул руки от стола, пряча их под стол. Камень на перстне тут же начал гаснуть, блекнуть, превращаясь обратно в мертвую вишневую каплю.

В тишине библиотеки этот жест показался оглушительным. Несколько студентов за соседними столами обернулись на звук отодвигаемого стула. Старенькая библиотекарьша поверх очков строго посмотрела в наш угол.

— Молодые люди, в архивном зале тишина! — прикрикнула она дребезжащим голосом.

— Извините, — глухо бросил Арам, не оборачиваясь к ней.

Я смотрела на дубовую поверхность стола. Там, где только что лежали его ладони, остались два отчетливых, черных обугленных следа от человеческих пальцев. Лак сошел полностью, обнажив сожженную древесину. От стола всё еще шел едва заметный жар. Это было физически невозможно. Человек не мог нагреться до такой температуры, чтобы прожечь столетний дуб за несколько секунд. Это противоречило всем законам физики, биологии, здравого смысла.

«Огонь... От него идет настоящий огонь», — пронеслось в моей голове. Вчера на парковке пар от его рук, сегодня — сожженный стол. Кто он такой? Господи, кто он такой на самом деле?!

Арам поднялся со стула. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, лицо бледным, а лоб покрылся мелкой испариной. Он посмотрел на меня сверху вниз — и в этом взгляде больше не было высокомерия. Там была глухая, первородная ярость пополам с пугающим предостережением.

— Не лезь в мою жизнь, Лиза, — тихо, со свистом произнес он. — Не собирай сплетни. И никогда... слышишь, никогда больше не говори со мной о моей семье. Ты понятия не имеешь, с каким огнем ты играешь. Ты сгоришь и даже заметить не успеешь.

Он развернулся и быстрыми, размашистыми шагами покинул библиотеку, даже не забрав свою книгу. Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком.

Я осталась сидеть на месте, чувствуя, как меня начинает бить крупная, неудержимая дрожь. Руки ходили ходуном. Я осторожно протянула ладонь и коснулась черного следа на столе, который оставил Арам.

Дерево до сих пор было обжигаяще горячим. Я отдернула пальцы, словно уколовшись.

Внутри меня всё кричало: «Беги! Беги от этого парня как можно дальше, забирай документы, переводись в другой вуз, уезжай из этого города!». Он был опасен. Не потому, что у его отца были миллионы и связи. Он был опасен какой-то другой, запредельной, мистической опасностью, которая не поддавалась логике.

Но в то же время какая-то темная, иррациональная часть моей души, та самая, что заставляла меня зачитываться древними мрачными легендами, затрепетала от дикого, неосознанного восторга. Наш серый, скучный мир только что дал огромную, зияющую трещину. И из этой трещины на меня дохнуло настоящим, пугающим и манящим волшебством. Древним, как кавказские горы, и горячим, как расплавленный гранат.

Я медленно закрыла учебник по мифологии. На обложке был изображен древний змей-вишاپ, обвивающий вершину скалы, а над ним высилась фигура героя с пылающим мечом.

— С каким огнем я играю... — прошептала я в пустую темноту за окном, чувствуя, как на шее едва заметно нагревается мой маленький серебряный крестик. — Кажется, я уже в нем горю.

Арам

Я практически вылетел из здания университета, на ходу натягивая пальто. Ледяной ветер швырнул мне в лицо пригоршню колкого снега, но я этого даже не заметил. Мои ладони горели так, будто я держал раскаленные угли.

«Идиот! Какой же ты идиот, Арам!» — мысленно кричал я себе, сжимая кулаки так, что ногти вонзались в кожу.

Сила прорвалась. Впервые за последние пять лет я потерял контроль над внутренним пламенем в публичном месте. Из-за чего? Из-за слов какой-то девчонки? Из-за того, что она упомянула Карине и мою семью? Откуда в этой мелкой, рыжей пигалице столько способности выводить меня из равновесия? Её голос, её серые, полные вызова глаза словно сдирали с моей души всю ту защиту, которую отец и дед выстраивали годами.

Я сел в машину, завел мотор и врубил кондиционер на самый максимум, направляя ледяной воздух на руки.

Камень на перстне Драконоборца медленно остывал, но старинное серебро всё еще вибрировало, отзываясь на сумасшедший ритм моего сердца. Дед Саркис был прав. Наша кровь помнит всё. Она помнит древние битвы, помнит пламя Ваагна, помнит, что мы не принадлежим этому спокойному, пластиковому миру. Но я думал, что смогу подчинить её себе. Думал, что стану успешным экономистом, женюсь на Карине и буду жить нормальной, человеческой жизнью.

А теперь эта девчонка... Лиза. Сама того не ведая, она ковыряла пальцем фундамент моей идеальной тюрьмы. И если я не найду способ держаться от неё как можно дальше, этот фундамент рухнет, погребая под собой и меня, и всю мою семью.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Мои глаза всё ещё отливали тем самым пугающим, янтарным блеском, который появлялся только во время вспышек магии.

— Держись от меня подальше, Рыжая, — прошептал я в пустой салон машины, включая передачу. — Ради твоего же блага. Потому что если мой огонь вырвется снова... тебя уже никто не спасет.

Глава 4. Шепот пепла и камня

Арам

В моем сне не было сибирского снега. Там вообще не было холода — только удушливый, багровый зной, от которого трескались губы, а легкие забивал сухой, едкий пепел.

Я стоял на вершине черной, обглоданной пламенем скалы. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось ущелье, залитое застывающей, лениво бурлящей лавой. Небо над головой напоминало открытую рану — багово-черное, затянутое грозowymi тучами, внутри которых змеились вспышки фиолетовых молний. Воздух дрожал от тепла.

А затем пришел звук.

Это был не просто гром. Это был трубный, оглушительный рев, исходящий откуда-то из недр самой земли. Скала под моими ногами зашаталась, по базальтовой породе поползли глубокие зигзагообразные трещины. Из бурлящей лавы внизу медленно, дюйм за дюймом, начало подниматься чудовище. Вишап. Древний дракон, чье тело было соткано из камня, копоти и чистого, первородного огня. Его огромные крылья, похожие на обожженные паруса, разорвали тучи, а из пасти вырвался сноп ослепительного пламени, направленный прямо на меня.

«Встань, Ваагнян! — прогремел в моей голове голос, который не принадлежал ни одному живому человеку. Этот голос состоял из грохота обвалов и треска лесных пожаров. — Кровь Драконоборца застыла в твоих венах! Огонь требует выхода! Если ты не выжжешь свой страх, он сожрет тебя изнутри!»

Я попытался поднять руку, чтобы закрыться от летящего пламени, но пальцы казались отлитыми из тяжелого чугуна. Перстень на руке раскалился добела, впиваясь в кожу, выжигая фамильное клеймо до самых костей. Пламя вишапа накрыло меня с головой.

Я резко сел на постели, тяжело, со свистом хватая ртом воздух.

В комнате было темно и тихо. Лишь за окном уныло подвывал январский ветер, швыряя в стекло пригоршни сухого снега. Я был насквозь мокрый — простыни прилипли к телу, лоб горел, а сердце колотилось в грудную клетку с такой силой, будто пыталось проломить ребра.

Я судорожно вытянул перед собой правую руку. В полумраке спальни ладонь казалась совершенно обычной, никакой лавы, никакого пепла. Но кожа на пальце, где обычно сидел перстень, зудела и горела так сильно, словно меня действительно припекли клеймом.

— Опять... — прошептал я, опуская лицо в ладони. Голос прозвучал хрипло, надломанно.

Эти кошмары преследовали меня с детства, но за последний год они стали другими. Более плотными. Более осязаемыми. Раньше это были просто страшные картинки из дедовских сказок, но теперь я кожей чувствовал жар того безумного мира. Я чувствовал запах серы. Я слышал зов предков — тех самых яростных воинов, которые когда-то, если верить семейным хроникам, сдерживали тварей в темных ущельях кавказских гор.

Я встал с кровати, подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Приятная прохлада немного утихомирила пожар в голове. На часах было чуть больше шести утра. Город за окном еще спал, укутанный в серые сумерки и снежные заносы. Нормальный, осязаемый, скучный мир двадцать первого века. Мир, где люди верят в ипотеку, курсы валют и прогнозы погоды, а не в древних богов и каменных драконов.

«И в этом мире ты вчера прожег столетний дубовый стол в библиотеке, Арам», — ехидно напомнил внутренний голос.

Перед глазами тут же вспыхнуло лицо Лизы. Её испуганные, распахнутые серые глаза, в которых отражался багровый свет моего перстня. Её тонкие пальцы, осторожно тянущиеся к обугленному следу на дереве. Она видела мою силу. Она почувствовала её. И самое паршивое — именно из-за её слов эта сила прорвала плотину. Стоило ей заговорить о Карине, о

моих обязанностях перед семьей, как внутри меня словно повернулся ржавый ключ, выпускающая наружу древний гнев.

Я со стоном отошел от окна и направился в ванную. Холодный душ немного вернул меня к реальности. Я смыл с себя липкий пот кошмара, но тяжелое, давящее предчувствие никуда не исчезло. Сегодня был важный день. Отец созывал очередную встречу с земляками, и я знал, что этот ужин будет иметь для меня решающее значение. Кулан отцовского долга затягивался на моей шее всё туже.

К двенадцати часам дня я приехал в главный офис строительной компании «Ваагнян Групп». Огромное здание из синего стекла и бетона возвышалось над деловым центром города как символ безграничной власти моего отца. Здесь всё дышало деньгами и строгим, почти военным порядком.

Я поднялся на последний этаж, где располагался кабинет генерального директора. Секретарша, увидев меня, вежливо улыбнулась и тут же открыла массивную дверь из темного ореха.

— Арам, заходи, дорогой! — голос отца раскатился по просторному кабинету.

Левон Ваагнян стоял у панорамного окна, рассматривая чертежи нового жилого комплекса. Рядом с ним сидели двое мужчин в дорогих костюмах — видные представители нашей общины, крупные предприниматели, чье мнение в диаспоре имело огромный вес.

— Отец, — я почтительно склонил голову, проходя внутрь. — Добрый день.

— Знакомьтесь, подрастающее поколение, — отец с гордостью положил руку мне на плечо, слегка сжав его своими тяжелыми пальцами. От его руки исходило плотное, спокойное тепло — отец, в отличие от меня, умел контролировать свою природу так безупречно, что казался абсолютно обычным человеком. — Мой старший сын, Арам. Будущий вице-президент компании. Настоящий Ваагнян — твердый, как камень, надежный, как скала.

Мужчины кивали, расточая вежливые комплименты. Мы обменялись крепкими рукопожатиями. Следующие два часа превратились для меня в изоощренную пытку цифрами, графиками и обсуждением долей в уставном капитале. Я сидел, кивал в нужных местах, высказывал здравые экономические мысли — диплом международного экономиста давал о себе знать — но мыслями был далеко. Я то и дело косился на свои ладони, боясь, что лакированный стол отца тоже пойдет пузырями под моим взглядом.

Когда земляки наконец ушли, отец закрыл чертежи и тяжело опустился в свое кожаное кресло. Его взгляд, только что бывший радушным и открытым, мгновенно стал пронизательным и холодным.

— Садись, Арам. Нам нужно поговорить, — сказал он по-армянски.

Я сел напротив, выпрямив спину. Этот тон отца не предвещал ничего хорошего.

— Дед Саркис рассказал мне, что вчера ты выходил на воздух во время ужина, — тихо произнес отец, крутя в руках дорогую перьевую ручку. — И что от тебя пахло гарью. Ты снова потерял контроль?

— Ситуация вышла из-под контроля на секунду, отец, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Я просто помог человеку. Ничего страшного не произошло.

— Ничего страшного? — отец резко опустил ручку на стол, и этот негромкий звук показался мне ударом грома. — Арам, ты старший сын рода Ваагнян. В твоих венах течет не просто кровь — там течет пламя, которое способно уничтожить города, если дать ему волю. Наш род веками прятал эту силу здесь, среди людей, чтобы выжить. Мы строим дома, мы создаем, мы укрощаем этот огонь, направляя его в камень! А ты рискуешь всем из-за каких-то мимолетных эмоций на студенческой парковке?

— Я контролирую себя, отец, — я сжал зубы, чувствуя, как внутри снова начинает ворочаться тяжелое, глухое раздражение.

— Контролируешь? — отец прищурился. — Тогда почему дед говорит, что твой камень расколется, если ты продолжишь бунтовать? Арам, послушай меня внимательно. Скоро в город

приезжает Карине. Окончательно. Её семья уже подбирает для неё квартиру в нашем элитном доме на набережной. Она — твоё будущее. Она — та женщина, которая утихомирит твой огонь, которая даст нашему роду правильное, сильное продолжение. Её отец вливает в наш новый проект колоссальные инвестиции. Этот союз выгоден всем.

«Выгоден всем, кроме моего сердца», — мысленно горько усмехнулся я.

— Я понимаю, отец, — вслух произнес я то, что от меня требовалось. — Я помню о своих обязанностях.

— Надеюсь, что помнишь, — лицо отца смягчилось, он снова стал похож на любящего, хотя и строгого главу семейства. — Карине — прекрасная девочка. Скрамная, чистая, из хорошей армянской семьи. Она будет уважать тебя, будет беречь твой дом. Не разочаровывай меня, сын. Мужчина Ваагнян держит свое слово. Мы не меняем свои решения из-за капризов.

Отец встал, давая понять, что разговор окончен. Я поднялся вслед за ним, чувствуя, как на плечи опускается невидимая, но колоссальная тяжесть отцовского камня. Каждый его выверенный шаг, каждое слово — всё это было частью огромной, вековой системы, в которой я был всего лишь винтиком. Правильным, дорогим, идеально подогнанным винтиком.

Выйдя из офиса компании, я сел в машину и долго не мог завести мотор.

Кошмары из снов, где чудовища требовали от меня выпустить огонь, странным образом перекликались с реальностью, где отец требовал этот огонь окончательно закопать под слоем бетона и семейных обязательств. Я был зажат между двумя огнями — древним, разрушительным хаосом моих предков и циничным, холодным расчетом моего отца.

И где-то посередине, между этими двумя колоссами, тонкой, хрупкой линией дрожало лицо рыжей первокурсницы Лизы. Девчонки, которая умудрилась увидеть меня настоящего за те несколько минут, что мы провели вместе.

Я завел мотор, и матовый «Порше» плавно выкатился на заснеженную улицу города. Мне нужно было ехать в университет — у меня оставалась последняя лекция. Я обещал себе, что пройду мимо неё, даже не повернув головы. Я обещал себе, что останусь тем самым «горным булыжником», о котором она говорила. Твердым, холодным и неприступным.

Но перстень в кармане моего пиджака продолжал едва заметно пульсировать, словно напоминая: огонь, который однажды проснулся, уже невозможно потушить простым обещанием. И впереди нас всех ждет настоящее, сокрушительное испытание огнем, из которого никто не выйдет прежним.

Глава 5. Замкнутый контур

Лиза

Существуют дни, когда вселенная не просто вставляет тебе палки в колеса, а с садистским удовольствием разносит твою тележку в щепки. Четверг начался с того, что декан нашего факультета, Маргарита Степановна — женщина с комплекцией советского броненосца и характером начальника тюрьмы строгого режима — вызвала меня в свой кабинет.

— Васильева, — она посмотрела на меня поверх массивных очков в роговой оправе так, словно я только что призналась в краже государственного бюджета. — Кафедра журналистики всегда славилась своей активной социальной позицией. Скоро у нас состоится ежегодный зимний благотворительный вечер университета. Сбор средств для детских онкоцентров. Мероприятие статусное, будут серьезные спонсоры, пресса, администрация города.

Я вежливо кивнула, еще не понимая, какое отношение скромная первокурсница Лиза имеет к светским раутам нашего вуза.

— Предыдущая староста организационного комитета со второго курса благополучно слегла с ангиной, — продолжила декан, постукивая массивным обручальным кольцом по столу. — Мне нужен человек ответственный, неглупый и умеющий связно излагать мысли на бумаге. Сценарий, координация волонтеров, встреча гостей. Ты, Васильева, девочка исполнительная. Считай это своим общественным долгом. Отказы не принимаются. Если всё пройдет идеально — автоматом закрою тебе весеннюю практику по профилю. Если провалишь... ну, про зачет по зарубежной литературе у Ковалева можешь забыть. Вопросы есть?

Вопросов у меня не было. Было лишь стойкое, отчетливое желание завывать. Практика автоматом — это был слишком жирный кусок, чтобы я могла позволить себе гордо развернуться и уйти.

— Хорошо, Маргарита Степановна. Я сделала всё, что в моих силах, — тихо ответила я.

— Вот и славно. Твой сокуратор и главный спонсор со стороны студенческого совета уже ждет тебя в триста двенадцатой аудитории. У него все вводные, списки гостей и бюджет. Иди, Васильева. И не подведи факультет.

Я вышла из кабинета декана с тяжелым вздохом. Триста двенадцатая аудитория находилась на самом верхнем этаже старого корпуса — бывшем чердачном помещении, которое переоборудовали под нужды студсовета и творческих кружков. Там обычно всегда было пусто и тихо, особенно во второй половине дня.

Поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, я мысленно настраивала себя на рабочий лад. «Спонсор со стороны студсовета», — крутилось в голове. Наверное, какой-нибудь активист-третьекурсник, маменькин сынок с юридического или менеджмента. Прорвемся. Сценарий я напишу за пару ночей, волонтеров построю в шеренгу, гостей встречу с дежурной улыбкой чеширского кота.

Я толкнула тяжелую дверь триста двенадцатой аудитории.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь скошенные мансардные окна, падал косыми золотистыми лучами на ряды пустых столов. В комнате пахло пылью, старыми холстами (здесь иногда занимались художники) и... сандалом.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилось на полную мощность, закладывая уши тяжелым, ритмичным стуком.

У самого окна, прислонившись бедром к подоконнику, стоял Арам Ваагнян. В той же угольно-черной рубашке, верхние пуговицы которой были небрежно расстегнуты, открывая сильную шею. Он держал в руках пачку каких-то документов и лениво просматривал их. Его матовый «Порше», наверное, сейчас сиротливо скучал на парковке, пока его хозяин соизволил спуститься со своего Олимпа ради благотворительности.

Услышав скрип двери, Арам медленно поднял голову. Его янтарно-карие глаза на секунду сузились, а на губах промелькнула едва заметная, жесткая и насмешливая улыбка.

— Ну надо же, — его глубокий, бархатистый голос заставил меня вздрогнуть. — Декан сказала, что придет лучшую студентку курса. А прислала мою любимую Рыжую. Мир тесен, Васильева. Или это ты меня преследуешь?

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь вернуть контроль над собственным лицом.

— Я никого не преследую, Ваагнян, — я демонстративно закрыла за собой дверь и прошла вглубь аудитории, стараясь держаться от него на безопасном расстоянии в несколько метров. — Меня заставила Маргарита Степановна. Если бы я знала, что куратором будешь ты, я бы...

— Что бы ты сделала? — Арам оторвался от подоконника и сделал пару шагов в мою сторону. Из-за скошенных потолков мансарды он казался еще выше, еще массивнее. Его тень накрыла меня, заставляя внутренне сжаться. — Отказалась бы от автомата по практике? Или устроила бы очередную истерику про «королей бензоколонки»?

— Я не устраиваю истерик! — я сердито швырнула свою сумку на ближайший стол. — Я просто называю вещи своими именами. Давай ближе к делу. У меня мало времени. Что у нас по сценарию и спискам?

Арам остановился напротив меня, разделенный лишь узким проходом между столами. Я кожей чувствовала, как от него исходит та самая плотная, почти осязаемая волна тепла, которая так пугала меня вчера в библиотеке. Его пальцы правой руки лениво постукивали по стопке бумаг. Перстень с потемневшим гранатом был на месте — сегодня он казался тусклым, но я-то знала, какая лава способна проснуться внутри этого проклятого камня.

— Деловая какая, — тихо произнес он, и в его голосе проскользнули те самые морозные, властные нотки, которые выдавали в нем старшего сына Левона Ваагняна. — Садись. Работать будем долго.

Я нехотя опустила на стул. Арам сел напротив, прямо на край соседнего стола, бесцеремонно нарушая все мыслимые границы личного пространства. Он вел себя как хозяин этого помещения, этой ситуации, да и вообще всей моей жизни в этот конкретный момент.

— Вот списки главных спонсоров, — он бросил передо мной плотную папку. — Большинство — партнеры моего отца по строительному сектору. Люди серьезные, консервативные. Никакой студенческой самодеятельности и глупых конкурсов. Всё должно быть строго, дорого и со вкусом. Живая классическая музыка, аукцион картин наших студентов, официальные речи. Твоя задача — написать текст для ведущих. И сделай так, чтобы это не звучало как отчет на партийном съезде.

Я открыла папку, пробегая глазами по фамилиям. Большинство из них были мне совершенно незнакомы, но статус компаний внушал благоговейный трепет. И в самом верху списка, жирным шрифтом значилось: «Ваагнян Групп».

— А твой отец тоже придет? — спросила я, не поднимая головы от документов.

— Придет, — голос Арама внезапно стал сухим и жестким, словно я коснулась оголенного провода. — Со всей семьей. И это еще одна причина, почему вечер должен пройти идеально, Васильева. Ошибки исключены.

Я подняла на него глаза. В полумраке мансарды его лицо казалось высеченным из темного базальта. На лбу залегла та самая упрямая, горькая складка, которую я заметила во время его разговора по телефону вчера. Танька была права — его жизнь со стороны казалась сказкой, но эта сказка явно имела очень жесткие, негнувшиеся рамки. Он был зажат в тиски ожиданий своего великого отца.

— Знаешь, Ваагнян, — тихо сказала я, подпирая подбородок ладонью. — Мне иногда кажется, что ты сам до смерти боишься этого своего благотворительного вечера. И своего отца тоже боишься.

Арам замер. Воздух в аудитории словно разом стал густым и вязким. Его янтарные глаза потемнели, превращаясь в два бездонных колодца, полных глухого гнева.

— Что ты сказала? — его голос опустился до едва различимого, вибрирующего шепота, от которого у меня по волосам на руках побежали искры.

— То, что слышал, — я не отступила, хотя внутренний голос самосохранения уже вопил благим матом. — Ты ходишь здесь как король, командуешь, строишь из себя неприступную скалу. Но на самом деле ты просто очень боишься сделать шаг влево или вправо от той дорожки, которую тебе нарисовали. Тебе сказали жениться — ты женишься. Тебе сказали организовать вечер — ты организуешь. В тебе вообще есть хоть что-то твое собственное, Арам? Или ты весь состоишь из отцовских денег и чужих ожиданий?

Я знала, что быю по больному. Я видела это по тому, как резко побелели костяшки его пальцев, сжимающих край стола. Но я не могла остановиться. Химия, которая трещала между нами с первой секунды нашей встречи, требовала выхода. Это было похоже на замкнутый контур — мы постоянно искрили, сталкиваясь лбами, не способные ни разойтись, ни найти общий язык.

Арам медленно поднялся во весь рост.

— Ты заигрываешься, Рыжая, — его голос теперь напоминал глухой рокот лавины, которая вот-вот сорвется со склона. — Ты ничего не знаешь о моей жизни. Ничего не знаешь о том, что мне приходится делать, чтобы держать в узде... — он осекся, тяжело дыша.

Я увидела, как по деревянной поверхности стола, прямо из-под его ладоней, снова поползли те самые пугающие, едва заметные волны жара. Воздух вокруг него задрожал, как над раскаленным асфальтом в июльский зной. Запах сандала стал настолько концентрированным, что у меня закружилась голова.

— Арам... — я испуганно отпрянула вместе со стулом, видя, как камень на его перстне начинает наливаться яростным, багровым светом. — Твои руки... Опять.

Парень перевел взгляд на свои ладони, затем на меня. В его глазах на мгновение отразился такой дикий, первородный страх перед собственной природой, что у меня сжалось сердце. Он не был монстром. Он был пленником. Пленником силы, которую сам не мог до конца контролировать.

Арам сделал глубокий, судорожный вздох. Он зажмурился, и я увидела, как сильно напряглись мышцы на его шее и челюсти. Он буквально силой воли, за счет нечеловеческого ментального усилия, загонял бушующий внутри пожар обратно в клетку.

Прошло несколько долгих, невыносимых секунд. Наконец, воздух вокруг него остыл. Запах гари, который уже готов был появиться, рассеялся, сменившись привычной прохладой старой мансарды. Арам открыл глаза — они снова были обычного, глубокого карего цвета, без пугающего янтарного блеска.

Он посмотрел на меня — опустошенный, бледный, но по-прежнему гордый.

— Текст сценария должен быть готов к понедельнику, Васильева, — сухо, без единой эмоции произнес он, забирая свои бумаги. — Встретимся здесь же, в это же время. И постарайся больше не утомлять меня своими психологическими этюдами. Они у тебя паршиво получаются.

Он развернулся и быстрыми шагами пошел к выходу. На пороге он на секунду замер, не оборачиваясь.

— И еще одно, Лиза, — его голос прозвучал странно тихо, почти надломанно. — Иногда скалы ломаются не потому, что они слабые. А потому, что давление изнутри становится слишком сильным. Помни об этом, прежде чем судить других.

Дверь за ним закрылась с глухим, окончательным стуком.

Я осталась сидеть в пустой аудитории. Золотистые лучи солнца продолжали падать на столы, но мне казалось, что в комнате стало темно и холодно. Я посмотрела на то место, где

стоял Арам. На деревянной поверхности стола не осталось ожогов — в этот раз он успел удержать силу. Но след от его ладони всё ещё сохранял едва уловимое, умирающее тепло.

Я медленно притянула к себе папку со списками спонсоров. Мои пальцы слегка дрожали. Я понимала, что этот благотворительный вечер станет для нас обоих точкой невозврата. Контур замкнулся, и теперь каждая наша встреча будет лишь увеличивать напряжение, пока в один прекрасный день оно не взорвется, уничтожив всё вокруг.

Но самое страшное было в том, что я больше не хотела бежать. Я хотела узнать, какая тайна скрывается за этой стеной из камня и огня, даже если ради этого мне придется сгореть дотла.

Глава 6. Плотность излома

Арам

В бизнесе моего отца существовало нерушимое правило: если конструкция дает трещину, её нужно либо немедленно залить бетоном марки М500, либо снести до основания. Никаких промежуточных вариантов. Половина беды заключалась в том, что внутри меня трещала не бетонная стена, а вековой ментальный заслон. И заливать его было нечем.

Понедельник встретил университет удушливым, ядовито-серым смогом. Мороз отступил к минус десяти, но вместо него город накрыло тяжелой, липкой изморосью, которая превращала остатки снега в грязное месиво. Я сидел в триста двенадцатой аудитории за полчаса до назначенного времени. На этот раз я выбрал место в самом углу, подальше от мансардных окон, где свет падал ровными, холодными полосами.

Перед моими глазами лежал ноутбук с открытыми финансовыми отчетами по благотворительному фонду, но я не видел цифр. Я видел её. Снова и снова.

«В тебе вообще есть хоть что-то твое собственное, Арам?» — этот тонкий, девичий голос вьелся в подкорку, как старая ржавчина. Самое паршивое, что Васильева попала прямо в излом. В ту самую точку, где заканчивался идеальный наследник строительной империи и начинался запертый в клетке зверь, который по ночам задыхался от запаха базальтового пепла и рева каменных чудовищ.

Дверь аудитории скрипнула ровно в четырнадцать ноль-ноль. Пунктуальная.

Лиза вошла, тяжело дыша, со своей неизменной сумкой-мешком через плечо. Сегодня на ней был громоздкий темно-зеленый свитер крупной вязки, из-за которого она казалась совсем крошечной, почти прозрачной. Волосы были небрежно собраны в пучок на затылке, и несколько непослушных прядей упрямо выбивались, обрамляя тонкую шею. Она выглядела так обыденно, так просто, что её присутствие в моем жестком, выверенном мире казалось какой-то нелепой ошибкой кодинга вселенной.

— Добрый день, Ваагнян, — она сухо кивнула, проходя к столу и выуживая из сумки распечатанные листы формата А4. — Текст готов. Здесь три варианта вступительного слова для ведущих и тайминг аукциона. Можешь проверять.

Она не села напротив. Она осталась стоять, положив ладони на спинку стула, словно готовая в любую секунду развернуться и уйти, если я снова начну включать «короля бензоколонки». В её серых глазах не было страха после нашей прошлой встречи — там была настороженность и глубокое, колющее любопытство.

— Садись, Васильева. В ногах правды нет, — я постарался, чтобы мой голос прозвучал максимально сухо, профессионально и отстраненно. Как у топ-менеджера на скучном совете директоров.

Она нехотя опустилась на край стула, пододвинув ко мне листы. Я взял первый экземпляр. Пальцы коснулись бумаги, и я невольно отметил, что текст написан безупречно. Хороший слог, правильные акценты на благотворительности, никакой лишней патетики. Она действительно была талантлива в своей журналистике. Но моё внимание привлек третий вариант.

— Что это? — я ткнул пальцем в строчку, где описывалась концепция лотов для аукциона. — «Древние мотивы камня и земли». Васильева, мы продаем картины студентов художественного факультета. Пейзажи, натюрморты. Зачем ты тащишь сюда эту этно-мистику? «Сила, скрытая в скалах», «голос предков»... Это светский раут, а не вечер кавказской поэзии.

Лиза вздохнула, и этот звук заставил меня напрячься. Она явно приготавилась защищать свою работу.

— Это не этно-мистика, Ваагнян, это концепция, — она подалась вперед, и её серые глаза сверкнули из-под челки. — Большинство твоих спонсоров — мужчины старшего поколения.

Твой отец, его партнеры. Для них понятия «земля», «камень», «корни» — это не пустые слова. Если ведущий преподнесет лоты через призму уважения к истокам, эти люди купят обычный студенческий эскиз за тройную цену. Это чистый маркетинг, основанный на психологии твоей же общины. Но тебе, конечно, проще всё упростить до уровня сухого отчета.

Я медленно отложил листы в сторону. Её манера разговаривать со мной — без грамма подобострастия, без этой приторной вежливости, к которой я привык — выводила из себя с каждым словом. Она читала меня, как открытую книгу, и это бесило больше всего.

— Ты думаешь, что ты самая умная, Васильева? — я опустил голову, глядя на неё сквозь прищур. — Думаешь, пара лекций по психологии дают тебе право судить о том, как мыслят люди моего круга? Эти мужчины строят бизнес на жестких расчетах. Им плевать на твои «голоса предков».

— Им не плевать! — Лиза резко хлопнула ладонью по столу, и её голос сорвался на ту самую звонкую, яростную интонацию, от которой у меня внутри начинал просыпаться пожар. — Это тебе плевать! Ты настолько закопался в свои цифры и отцовские ожидания, что перестал видеть очевидное. Твой дед Саркис... я видела его один раз на кафедре, он приходил к декану. В его глазах этой земли и камня больше, чем во всех твоих строительных чертежах! Вы держитесь за свои корни, Арам. Так почему ты так упорно пытаешься доказать мне, что ты робот из стекла и пластика?!

Воздух в комнате мгновенно сгустился до состояния жидкого свинца. Внутри меня что-то оглушительно хрустнуло. Контроль, который я выстраивал все эти дни после библиотеки, рассыпался мелким стеклянным крошечком. Стены мансарды словно сдвинулись, сужая пространство до размеров нашей общей клетки.

— Вордиг, ду вочիւն չիտես! (Замолчи, ты ничего не знаешь!) — отчаянный, хриплый рокот вырвался из моего горла прежде, чем я успел его осознать. Я перешел на армянский язык автоматически, теряя связь с реальностью от дикого, сжигающего изнутри гнева. — Ду индз чес чаначум! Ду чигитес те инч ка им нерум! (Ты не знаешь меня! Ты не знаешь, что у меня внутри!)

Я резко вскочил со стула, опрокинув его назад. Тяжелое дерево с грохотом ударилось о паркет.

Лиза замерла, вжавшись в спинку своего стула. Её лицо мгновенно потеряло все краски, став смертельно бледным, а зрачки расширились так, что серые глаза казались почти черными. Она не поняла ни одного слова, но гортанная, вибрирующая плотность древнего языка подействовала на неё сильнее любого крика.

А вокруг меня уже бушевал ад.

В этот раз пламя не просто нагрело ладони — оно рвануло наружу сквозь поры кожи. Я почувствовал, как перстень на пальце раскалился до сумасшедшей температуры, выжигая серебряную вязь прямо на моей плоти. Запах сандала мгновенно сменился тяжелым, удушливым запахом паленой шерсти и раскаленного базальта. Экран моего ноутбука, стоявшего на столе, пошел мелкой паутиной трещин от термического удара, а пластиковый корпус вокруг клавиатуры начал медленно, уродливо плавиться, стекая черными каплями на стол.

— Арам... — едва слышный, прерывистый выдох Лизы разрезал эту звенящую, катастрофическую тишину. Она смотрела не на ноутбук. Она смотрела на мою правую руку, которая сейчас была окутана тонким, едва заметным слоем бледно-фиолетового, маревого пламени.

Этот цвет... Это было пламя Ваагна. Огонь Драконоборцев, который не светил, а только выжигал.

Я зажмурился с такой силой, что в глазах вспыхнули багровые круги.

«Удержи её, Арам. Удержи, или ты убьешь её прямо здесь», — закричал внутренний голос, перекрывая рев вишапа из моих ночных кошмаров. Я вспомнил лицо деда, вспомнил

строгий взгляд отца. Я вцепился левой рукой в правое запястье, ломая собственные суставы, пытаюсь силой воли загнать этот первородный хаос обратно под кожу.

Мышцы на моей шее натянулись так, что готовы были лопнуть. Я хрипел, глотая горячий воздух, пахнувший гарью. Прошла вечность. Пять секунд, десять, минута. Каждая секунда казалась каплей раскаленного свинца, падающей на обнаженный мозг.

Наконец, марево начало блекнуть. Фиолетовый огонь нехотя, словно живое существо, втянулся обратно под кожу, оставив на ладони лишь красные, воспаленные следы ожогов. Ноутбук тихо щелкнул и окончательно потух, испуская тонкую струйку едкого дыма от сгоревшей платы. Пластик на столе застыл уродливым черным наплывом.

Я открыл глаза. На лбу выступил холодный пот, руки тряслись так сильно, что я не мог свести пальцы вместе.

Лиза продолжала сидеть неподвижно. Она смотрела на расплавленный ноутбук, затем перевела взгляд на мою руку, которую я судорожно пытался спрятать в карман брюк. В её глазах больше не было того журналистского любопытства. Там застыл чистый, первородный ужас перед силой, которая не подчинялась никаким законам её привычного, безопасного мира. Она только что увидела монстра. Настоящего, опасного монстра, который мог уничтожить её одним движением.

— Уходи, — мой голос прозвучал так тихо и безжизненно, словно я говорил из-под слоя могильной земли. Я не смотрел на неё. Я смотрел на испорченный стол. — Забирай свои листы и уходи, Васильева. Сейчас же.

Она не пошевелилась. Потом медленно поднялась со стула, её колени заметно подкашивались. Она протянула руку, словно хотела собрать свои распечатки, но её пальцы замерли в сантиметре от бумаги.

— Что это... что это было, Арам? — её голос дрожал так сильно, что казался хрупким, как тонкий лед на луже. — Ты... твой компьютер... твои руки... Это не фокус. Это не статика. Кто ты такой?

— Уходи! — рявкнул я, наконец повернув к ней лицо. Мои глаза всё ещё горели тем ядовито-янтарным пламенем, которое выдавало мою нечеловеческую суть. — Если ты сейчас же не выйдешь из этой комнаты, я не гарантирую, что ты сможешь выйти отсюда сама. Беги от меня, Рыжая! Беги, пока ещё можешь!

Мой крик подействовал на неё как удар хлыста. Лиза судорожно схватила свою сумку, бросив листы со сценарием на столе, и бросилась к двери. Она дернула ручку, выскочила в коридор, и я услышал частый, удаляющийся стук её сапог по деревянным ступеням лестницы. Она бежала от меня так, словно за ней гнались все черти преисподней.

Я остался один в пустой аудитории.

Запах гари и плавленого пластика продолжал висеть в воздухе, смешиваясь с ароматом её духов — легким, едва уловимым запахом полевых цветов, который теперь казался мне самым прекрасным и самым недостижимым на свете.

Я медленно подошел к окну и уперся лбом в холодное стекло. Ожог на ладони от раскаленного перстня пульсировал тупой, изнуряющей болью, но эта боль была ничем по сравнению с тем изломом, который только что произошел внутри меня.

Я выдал себя. Я показал ей свою темную сторону. Я заговорил с ней на языке своей крови, выдавая свои истинные, безумные эмоции. Теперь она знает. Теперь она будет обходить меня за версту, смотреть как на сумасшедшего или чудовище. И это было правильно. Это было то единственное решение, которое могло спасти её от гибели в том пламени, что веками выжигало мой род.

Но почему тогда внутри меня, под слоем этого пепла и камня, сейчас так отчаянно и горько выла моя расколотая пополам душа?

Я достал телефон из кармана пальто, чудом не пострадавший от вспышки, и набрал номер отца.

— Да, Арам, — ответил он через пару гудков.

— Отец, — я сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как лицо снова превращается в холодный базальт. — Карине прилетает завтра?

— Да, в двенадцать дня. Мы едем встречать её в аэропорт. Ты помнишь?

— Я буду, отец, — тихо сказал я, глядя на то место, где только что сидела Лиза. — Я сам поеду за ней. Я сделаю всё так, как нужно роду.

Я отключил связь, закрыл крышку испорченного ноутбука и начал собирать разбросанные по столу листы со сценарием благотворительного вечера. Пальцы до сих пор оставляли на бумаге едва заметные, желтоватые подпалины, но мне уже было плевать. Я принял решение. Плотина была разрушена, но я собирался построить новую — еще более высокую, еще более толстую. Из бетона, камня и чужих обязательств. И в этой новой тюрьме больше никогда не должно было появиться место для серых глаз цвета грозового неба.

Глава 7. Ожоги памяти

Лиза

Считается, что страх — это холодное чувство. Нам с детства твердят про леденящий ужас, про стынущую в жилах кровь и онемевшие от холода пальцы. Но это неправда. Настоящий, первородный страх — он обжигает. Он пахнет едким пластиковым дымом, сухим сандалом и раскаленным камнем. Он въедается под кожу, оставляя невидимые миру ожоги, которые продолжают саднить при каждом воспоминании.

Я не помнила, как выбежала из старого корпуса университета. Помнила только, как летела вниз по скрипучим ступеням, задыхаясь от нехватки воздуха, а в ушах всё еще стоял этот его гортанный, вибрирующий рокот: *«Беги от меня, Рыжая! Беги, пока еще можешь!»*

Я пришла в себя только в своей комнате в общежитии. Я сидела на кровати, прямо в пуховике и мокрых сапогах, уставившись в одну точку на стене. Руки ходили ходуном, а зубы выбивали мелкую, позорную дробь. За окном уже стемнело, метель окончательно засыпала город, превращая огни редких машин в размытые желтые пятна. В комнате было тихо — Танька ушла на какое-то собрание волонтеров, и эта пустота сейчас казалась мне единственным спасением.

Я медленно, словно чужая, протянула руку и опустила взгляд на свои ладони. Они были чистыми. Никаких следов фиолетового пламени, никакого пепла. Но на кончиках пальцев левой руки, которыми я там, в триста двенадцатой аудитории, коснулась дубового стола, всё еще держалось фантомное, покалывающее тепло.

— Это был не фокус, — прошептала я в темноту комнаты. Голос прозвучал чуждо, хрипло. — И компьютер... он действительно расплавился.

Я судорожно стянула пуховик, сбросила сапоги и потянулась к своей сумке. Достала распечатанные листы со сценарием благотворительного вечера — те самые, которые я в панике сгребла со стола перед тем, как броситься наутек.

Включив настольную лампу, я разложила листы перед собой. На третьем экземпляре, прямо на полях, где описывалась концепция «Древних мотивов камня и земли», остались отчетливые следы. Желтовато-коричневые, подпаленные контуры человеческих пальцев. Бумага в этих местах истончилась, стала хрупкой, словно её подержали над открытым огнем зажигалки.

Я провела подушечкой пальца по этой подпалине. В нос тут же ударил слабый, но отчетливый запах гари.

У каждого человека есть свой предел нормальности. Граница, за которой привычный мир рушится, уступая место чему-то древнему, пугающему и завораживающему. Моя граница только что была уничтожена. Арам Ваагнян не был просто высокомерным мажором, сыном строительного магната. В нем жило что-то еще. Что-то, что заставляло его глаза гореть янтарным пламенем, а вещи вокруг него — плавиться от одного лишь прикосновения.

Я вспомнила его перстень. Тот самый массивный, старинный кусок темного серебра с огромным, налитым кровью гранатом. В библиотеке и сегодня в мансарде этот камень вел себя как живое существо. Он пульсировал. Он вбирал в себя этот безумный жар, наливаясь изнутри багровым светом. Это был не просто элемент кавказского колорита. Это был... артефакт? Ограничитель?

«Ты понятия не имеешь, с каким огнем ты играешь», — его слова эхом отозвались в голове.

Я закрыла лицо руками. Зачем я вообще полезла к нему? Зачем расковыряла эту его раковину? Ну сидел бы он в своем «Порше», жил бы своей правильной, богатой жизнью с этой своей ереванской невестой. Какое мне было дело до его внутренних демонов? Но теперь,

когда я увидела этот излом, когда увидела его — испуганного, бледного, отчаянно пытающегося удержать собственную силу — я понимала, что не смогу просто вычеркнуть это из памяти.

Дверь комнаты резко распахнулась, заставив меня вздрогнуть и судорожно сгрести подпаленные листы в ящик стола.

— Лиза! Ну ты и шустрая! — в комнату ввалилась Танька, румяная с мороза, обсыпанная хлопьями снега. — Я тебя по всему главному корпусу искала после пар. Декан сказала, что ты ушла в студсовет к Ваагняну, а потом тебя и след простыл. Ну как? Сценарий утвердили? Наш принц не сильно придирался?

Я заставила себя улыбнуться, хотя губы казались деревянными.

— Всё нормально, Тань. Текст я отдала. Арам... посмотрел. Сказал, к понедельнику всё будет готово. У него просто дела появились, он быстро уехал.

— Дела, говоришь? Ну еще бы! — Танька сбросила куртку и принялась активно расчесывать свои светлые волосы перед зеркалом. — В университете только об этом и говорят. Сегодня в полдень в аэропорт прилетела та самая Карине. Невеста его. Говорят, Левон Ваагнян лично встречал её на трех представительских машинах. Арам тоже там был. Девчонки с юрфака видели их фото в соцсетях — она такая куколка, просто восточная принцесса. Весь их род празднует. Так что наш куратор теперь официально занят семейными хлопотами.

Внутри меня что-то тихо, но болезненно звякнуло. Словно хрустальный бокал треснул от слишком горячей воды. Карине приехала. Та самая «чистая вода», которая, по словам его деда, должна была потушить его огонь. Та самая правильная жизнь, которую для него залили бетоном.

— Понятно, — тихо сказала я, отворачиваясь к окну. — Это хорошо. Значит, на благотворительном вечере они будут вместе.

— Ну конечно! Это же будет их первый официальный выход в свет как пары, — Танька уселась на свою кровать, поджав ноги. — Слушай, Лиз, а ты сама-то в чем пойдешь? Мероприятие же статусное. Там дресс-код: вечерние платья, костюмы. Декан сказала, что оргкомитет должен выглядеть безупречно. У тебя есть что-нибудь подходящее?

Я мысленно перебрала свой скромный гардероб, состоящий из джинсов, свитеров и пары простеньких юбок для зачетов. Никаких вечерних платьев там, разумеется, не водилось. Моя семья жила небогато — мама воспитывала меня одна, работая учительницей в провинциальной школе, и покупка платья «в пол» ради одного университетского вечера пробила бы огромную брешь в нашем бюджете.

— Что-нибудь найду, — уклончиво ответила я. — В крайнем случае, надену черную юбку и белую блузку. Я же там работать буду, за кулисами, а не на сцене блистать.

— Ну уж нет! — Танька решительно вскочила с кровати. — Никаких блузок! Васильева, ты лицо нашего факультета на этом вечере. Текст твой, координация твоя. Ты должна выглядеть так, чтобы этот твой высокомерный Ваагнян подавился своим армянским коньяком, когда тебя увидит! У моей сестры есть потрясающее платье. Оно темно-серебряное, в пол, со скромным, но очень красивым вырезом на спине. На твою фигуру сядет как влитое. Завтра же привезу!

Я хотела отказаться, хотела сказать, что мне всё равно, как я буду выглядеть перед Арамом Ваагняном. Но где-то в самой глубине души, в той самой запретной зоне, где еще горели подпалины от его пальцев, проснулось глухое, упрямое женское тщеславие. Если он хочет видеть во мне просто «Рыжую» в растянутом свитере, просто помеху на его идеальном пути — пусть будет так. Но на этом вечере я заставлю его посмотреть на меня по-другому. Без жалости и без страха.

Следующие три дня пролетели как в тумане. Я практически не появлялась на общих лекциях, полностью погрузившись в координацию волонтеров и подготовку зала. Мы с ребятами

со второго курса до поздней ночи развешивали гирлянды с мягким теплым светом, расставляли мольберты для благотворительного аукциона картин и настраивали аппаратуру.

Арама я не видела. Он словно испарился из университета. Танька поговаривала, что он взял краткосрочный отпуск ради встречи родственников, но его имя по-прежнему висело во всех документах как главного спонсора. Каждый раз, проходя мимо триста двенадцатой аудитории, я замедляла шаг, прислушиваясь к тишине за дверью. Но комната была заперта. Ноутбук его, наверное, уже давно выбросили, а обгоревший стол... Я не знала, заметил ли кто-то эту черную метку.

В субботу вечером университетский актовъ зал преобразился до неузнаваемости. Вместо привычного, потертого паркета и серых стен здесь царила атмосфера настоящего зимнего бала. Огромные хрустальные люстры заливали пространство мягким, торжественным светом, колонны были обвиты хвойными гирляндами с серебристыми искрами, а на мольбертах вдоль стен красовались лучшие работы студентов-художников. Пейзажи, портреты, абстракции. На каждом лоте висела аккуратная табличка с начальной стоимостью.

Я стояла за кулисами, проверяя финальный тайминг в папке ведущих. На мне было то самое платье сестры Таньки. Оно оказалось удивительным — тяжелый, струящийся шелк цвета грозового облака облегал фигуру, подчеркивая тонкую талию, а глубокий оттенок ткани делал мои серые глаза почти прозрачными. Волосы я уложила в высокую, свободную прическу, оставив несколько прядей у лица. Без своего безразмерного шарфа и тяжелых сапог я чувствовала себя непривычно легкой, почти невесомой. Словно сказочная героиня, которая случайно забрела на чужой праздник.

— Лиза, спонсоры прибывают! — шепнула мне пробегающая мимо староста второго курса. — Администрация города уже в зале. И Ваагняны только что вошли через центральный вход. Господи, они такие шикарные, у меня аж колени трясутся!

Я сжала папку в руках так сильно, что картон жалобно хрустнул.

«Спокойно, Лиза. Ты здесь по работе. Ты координируешь процесс», — повторила я себе как мантру и осторожно выглянула из-за тяжелой бархатной кулисы в зал.

Гости прибывали сплошным потоком. Мужчины в смокингах, женщины в бриллиантах и вечерних нарядах — элита города собралась под крышей нашего старого вуза. И в самом центре этой толпы, приковывая к себе все взгляды, двигалась семья Ваагнян.

Левон Ваагнян шел впереди, со своей неизменной величественной осанкой, вежливо кивая знакомым чиновникам. Рядом с ним шла его супруга — статная, красивая женщина в строгом бархатном платье изумрудного цвета. А чуть позади них шли они.

Арам. В безупречном черном смокинге, белоснежной рубашке и с бабочкой. Его густые темные волосы были идеально уложены, резкие черты лица казались еще более суровыми в ярком свете люстр. Он выглядел как настоящий принц — холодный, недостижимый и бесконечно далекий от всего, что происходило вокруг.

Под руку он держал Карине.

Она была ослепительна. В пышном платье цвета сливочного крема, расшитом мелкими жемчужинами, с тонкими золотыми украшениями на шее и запястьях. Она шла рядом с Арамом, слегка прижимаясь к его плечу, и её огромные темные глаза светились неподдельным, чистым счастьем. Они казались идеальной парой с обложки дорогого глянцевого журнала. Две половинки одной великой, нерушимой системы.

Я смотрела на них, и внутри меня разливалась какая-то странная, горькая пустота. Вот она — его реальность. Его правильный мир, где всё залито бетоном отцовских денег и скреплено вековыми традициями. В этом мире нет места рыжим девчонкам, старым машинам и прожженным столам. Здесь царит покой и прохладная, чистая вода, которая должна потушить его пожар.

В этот момент, словно повинаясь какому-то неведомому инстинкту, Арам резко повернул голову в сторону кулис.

Наше расстояние составляло не меньше двадцати метров через весь заполненный людьми зал, но его тяжелый, янтарно-карий взгляд мгновенно нашел меня в полумраке за бархатной тканью. Он замер на полуслове, прервав фразу, которую говорил отцу Карине.

Его глаза сузились. В ярком свете хрустальных люстр я отчетливо увидела, как в их глубине на секунду вспыхнула та самая знакомая, опасная искра. Он смотрел на меня — в моем серебряном платье, с открытыми плечами и собранными волосами — так, словно видел впервые. Без маски высокомерия. Без ледяного безразличия. Это был взгляд человека, который внезапно увидел среди зимы цветущий гранатовый сад.

Карине что-то тихо спросила его, потянув за рукав смокинга. Арам вздрогнул, отвел взгляд от кулис и медленно повернулся к своей невесте, что-то тихо ответив ей с дежурной, вежливой улыбкой.

Я отступила назад, прячась за бархатную штору, и прижалась спиной к прохладной стене за кулисами. Сердце колотилось в груди так сильно, что казалось, его стук слышен всему залу. Ладони снова покалывало от фантомного тепла.

Благотворительный вечер только начинался, но я уже понимала, что эта ночь станет для нас обоих настоящим испытанием огнем. Испытанием, из которого никто из нас не выйдет прежним, какие бы стены из бетона и чужих традиций мы ни пытались между собой построить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.